

Библиографія въ ряду обязательныхъ для библіотекаря знаній.

Докладъ библіотекаря Имп. Николаевской Военной Академіи С. Д. Масловскаго. (Прочитанъ на засѣданіи 5-го іюня 1911 г.).

Я позволю себѣ отвлечь вниманіе Секціи въ нѣсколько иную область, чѣмъ та, въ которую ввелъ насъ глубокоуважаемый нашъ председатель, говоря о томъ же, о чемъ буду говорить я — о библиографіи въ библіотечномъ дѣлѣ.

Мы, русскіе библіотекаря, сдвигаемся нынѣ съ той мертвой точки, съ которой наши германскіе коллеги сдвинулись 40 лѣтъ тому назадъ, когда, съ Klette во главѣ, они выдвинули то-же положеніе, которое нынѣ выдвигаемъ мы — „самостоятельность библіотечной профессіи“, какъ залогъ и гарантія успѣшнаго и широкаго развитія той великой культурной силы, коѣрой являются современныя библіотеки.

Именно теперь особенно уместно поставить вопросъ о библиографіи во всей его полнотѣ. Ибо, въ современномъ русскомъ библиотекостроеніи, и, въ частности, среди петербургскихъ академическихъ библіотекарей достаточно ярко наблюдается теченіе, въ крайнихъ проявленіяхъ своихъ начисто отрицающее „библиографію“, теченіе, замыкающее всю работу библіотекаря сферой одной техники и, въ силу этого, опредѣляющее „профессію библіотекаря“, какъ профессію чисто *техническую*.

Подобное направлѣніе, бывшее еще въ недавнее время преобладающимъ и на Западѣ, несомнѣнно представляется крайне нежела- тельнымъ, ибо, въ случаѣ закрѣпленія его въ жизни, оно, несомнѣнно, затормозитъ правильное развитіе библиотечнаго дѣла, направивъ его на ложный путь.

Я не думаю—ни въ малой степени—отрицать огромнаго значенія техники. Тѣмъ болѣе, что я лично исповѣдую крайнюю индивидуаль- ность библиотекъ. Даже въ предѣлахъ одного и того же типа, усло- вія, въ которыхъ приходится работать той или иной библиотекѣ, настолько различны, что у каждой изъ нихъ видится свое „особли- вое лицо“, а, слѣдственно, и свой—особливый для каждой изъ нихъ— укладъ. И чѣмъ выше „типъ“, тѣмъ „особливѣе“ каждая отдѣльная библиотечка въ предѣлахъ этого типа. Въ силу этого, шаблона, меха- нической рутины, къ которой такъ часто приводить, къ сожалѣнію, ремесленное пониманіе техники—въ нашемъ дѣлѣ быть не можетъ. А, слѣдовательно, и техническія познанія каждаго изъ насъ должны быть настолько обширны и осознаны, чтобы дать возможность по- строить самостоятельно работу каждой библиотечки на основахъ ей, и только ей, свойственныхъ. А для этого нуженъ не простой техни- ческій навыкъ, не набитая на шаблонъ рука—а *знаніе*, во всемъ зна- ченіи этого слова.

Но глубокой и роковой ошибкой было бы закрѣплять созданное обстоятельствами—излагать которыя здѣсь не представляется нуж- нымъ—„засиліе техники“, и къ технику сводить весь трудъ и все знаніе библиотечкаря. Библиотечкарь есть не только хранитель книгъ, не только—пусть главный!—но все же *мертвый* рычагъ библиотечной машины. Библиотечка—не книжное кладбище, не музей окаменѣлостей, а живой организмъ. И его надо—не хранить, но—вести.

Для *веденія* же библиотечки „техники“ недостаточно. И мы видимъ, дѣйствительно, что въ большинствѣ академическихъ библиотекъ ве- деніе ихъ юридически и часто даже — фактически, ушло изъ рукъ библиотечкарей въ другіе, особые, съ библиотечкой только искусственной связью связанные органы, въ которыхъ библиотечкарь если и имѣетъ, то только слабый голосъ. Подобное ненормальное положеніе—на мой взглядъ, самое ненормальное, что есть въ положеніи библиотечкарей— обусловлено въ значительной, въ рѣшающей степени указаннымъ выше „самоограниченіемъ“ библиотечкарей, сведеніемъ всей библиотеч- ной работы къ технику и отказу отъ второй, необходимой и важ- нѣйшей — „научной“ части библиотечной дѣятельности, въ основѣ которой „*библіографія*“.

Выдвигая библіографію—не только какъ равноцѣнный технику, но какъ *высшій* элементъ нашего библиотечнаго дѣла, я долженъ, однако, оговориться. Я понимаю библіографію, въ данномъ случаѣ, не какъ историко-литературное и критическое *изслѣдованіе* книгъ. Я приближаюсь скорѣе къ Эберту, съ его дѣленіемъ библіографіи на „прикладную“ и „научную“: для библиотечкаря нужны „особыя“ би- біліографическія знанія. Не тѣ, конечно, которыя ставитъ на свою программу Ecole des Chartes, предлагающая библиотечкарямъ на эк- замѣнъ вопросы вроде: „какъ отличить 4^о отъ 8^о въ изданіяхъ XV вѣка“, „что называется въ типографскомъ дѣлѣ „римскимъ“ шриф- томъ и что „италическимъ“, когда и какими типографами шрифты эти были введены во Франціи“ и т. п.

Задача бібліографіи—опредѣлить мѣсто даннаго труда въ литературѣ даннаго предмета. Бібліографъ-ученый опредѣляетъ его *по научной его цѣнности*. Бібліографъ-библіотекаръ опредѣляетъ его *по содержанию*. Его бібліографія—не критическая, но регистрирующая.

Иначе и быть не можетъ. Всякая научная оцѣнка—субъективна, ибо производится она каждымъ съ его личной, субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія его личнаго пониманія данной науки. Для бібліотекаря же всякая субъективность недопустима. Ибо задача его, какъ *собирателя книгъ*, отнюдь не въ томъ, чтобы подбирать книги опредѣленнаго направленія, или только удовлетворяющія его личнымъ взглядамъ и запросамъ книги. Задачи бібліотеки—возможно полнѣе отразить научную работу въ данной области знаній, пріютить *все* оттѣнки научной мысли, закрѣпить — на полкахъ бібліотеки—все проходящія ея теченія. Въ силу этого, бібліотекаръ-библіографъ не *критикуетъ* авторовъ, но только знакомится съ содержаниемъ и общимъ характеромъ труда, съ его направленіемъ и „школой“—и, сообразно съ этимъ, опредѣляетъ мѣсто данной книги въ литературѣ вопроса, а, слѣдовательно, опредѣляетъ и есть ли данной книгѣ „мѣсто“ въ бібліотекѣ. Только при такомъ способѣ пополненія каждый отдѣлъ бібліотеки пріобрѣтеть внутренней, идейной, связью спаянную группировку; только тогда онъ будетъ — не нумерованными и по формату подобранными пачками печатной бумаги, а живымъ міромъ, въ который бібліотекаръ будетъ способенъ ввести—и введетъ—каждаго приступающаго къ работѣ.

Такъ понимали бібліографію и наши учителя бібліотечнаго дѣла, и прежде всего—подвижникъ русскаго бібліотечнаго дѣла, Н. О. Бедоровъ, бывший, по словамъ его біографа, „учителемъ, наставникомъ ученому труду, умѣвшимъ вдохнуть въ молодые умы священную любовь къ знанію“.

Это „учительство“, это участіе бібліотекаря въ идущей въ стѣнахъ его бібліотеки работѣ должно, по существу, быть основнымъ назначеніемъ бібліотекаря—назначеніемъ, важность котораго растеть изъ года въ годъ, по мѣрѣ того, какъ измѣняется самая постановка преподаванія въ высшихъ школахъ. Ибо, какъ справедливо отмѣчаетъ Bichel, все сильнѣе выдвигается на ряду съ лекціями и практическими занятіями—„образованіе чтеніемъ“, „подготовка книгой“. Мы бы сказали даже сильнѣе: за послѣднее время, въ новѣйшихъ теченіяхъ университетскаго преподаванія, центръ тяжести перемѣщенъ съ „лекціоннаго“ образованія на самостоятельную работу—на практическихъ занятіяхъ и „надъ книгой“. Сообразно съ этимъ растеть значеніе бібліотеки и—библіотекаря. Являясь, при нормальныхъ условіяхъ (соотвѣтствующей подготовкѣ и соотвѣтствующемъ положеніи среди учебнаго персонала даннаго учрежденія) естественнымъ постояннымъ связующимъ звеномъ между „учащими“ и „учащимися“, бібліотекаръ, силою самой жизни, становится не только сотрудникомъ работающихъ въ дѣлѣ подысканія нужной литературы: его участіе сказывается и на методѣ работы. И не будетъ преувеличеніемъ сказать, что именно въ бібліотекѣ, въ ея книжномъ и живомъ составѣ, легче и прочнѣ всего хранятся и передаются ученые традиціи учрежденія. Живымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить хотя бы Румянцевскій Музей, дающій — поколѣніе за поколѣніемъ—библіотекарей очерченнаго мною типа.

Если же мы примем во внимание, что „сфера дѣйствія“ академической библиотеки не замыкается однимъ, болѣе или менѣе тѣснымъ, кругомъ слушателей того или иного учебнаго заведенія; что при правильной постановкѣ, и, особенно, при широкой помощи библиотечнаго персонала читателямъ, сфера „притяженія“ ея растетъ широко и быстро, и библиотека все сильнѣе приближается къ тому, чѣмъ была она въ глазахъ того же идеалиста Федорова — „школой взрослыхъ, слѣдовательно, высшей школой“ — для широкихъ круговъ, для цѣлыхъ корпорацій; школой высшей, чѣмъ то, что понимается подъ этимъ словомъ въ обществѣ, потому что „ученіе“ въ ней идетъ тогда, когда закончены уже всѣ курсы, сданы всѣ экзамены; если мы примемъ все это во вниманіе — станетъ ясно, на какую высоту можетъ быть поднята библиотека и на какую высоту *должна* она быть поднята, чтобы выполнить свое назначеніе во всей полнотѣ и силѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, станетъ ясно, что поднять ее на эту высоту можетъ только ея библиотечный персоналъ.

И такъ же ясно, что осуществить это онъ сможетъ не одной только быстрой подачей книгъ, не поверхностной помощью — въ видѣ отсылки ко всѣмъ извѣстнымъ и всегда недостаточнымъ, всегда устарѣвшимъ, печатнымъ „библіографіямъ“. Библиотекъ нужна своя, живая, библиографія — библиотекарь.

Объемъ и содержаніе этой „библіографіи“ естественно предугадывается кругомъ читателей библиотеки. Естественно, она будетъ одна — въ библиотекахъ общественныхъ, гдѣ требованія будутъ приближаться къ тѣмъ, что ставятся на испытаніи библиотекаря въ Library Association; въ библиотекахъ высшихъ учебныхъ заведеній они опредѣлятся прежде всего кругомъ (и объемомъ) работъ учащихся (какъ необходимый *minimum*), углубляясь по мѣрѣ специализаціи библиотекъ.

Но, даже оставляя въ сторонѣ могущій еще, для нѣкоторыхъ, быть спорнымъ вопросъ о помощи работающимъ въ библиотекѣ, о сотрудничествѣ библиотекаря и его „читателей“, не трудно показать, что безъ библиографіи немыслимо выполненіе ни одной изъ важнѣйшихъ библиотечныхъ функций.

Первой въ ряду ихъ стоитъ *пополненіе* библиотеки. На практикѣ, во многихъ академическихъ библиотекахъ пополненіе производится по указаніямъ профессоровъ отдѣльных кафедръ, или особыхъ, специальныхъ, комиссій, составленныхъ изъ тѣхъ же профессоровъ, и, зачастую, даже безъ участія библиотечнаго персонала. Подобный порядокъ долженъ быть признанъ весьма мало удовлетворительнымъ. Мнѣ представляется умѣстнымъ напомнить здѣсь положеніе, прекрасно сформулированное циркуляромъ французскаго министерства 28 іюля 1886 г.: „покупки университетскихъ библиотекъ отнюдь не должны производиться по тѣмъ же соображеніямъ, что и личныя пріобрѣтенія частнаго лица“. Между тѣмъ, указанный выше способъ придаетъ покупкамъ библиотеки именно этотъ „личный“ характеръ, въ силу отмѣченнаго уже нами, неизбѣжно-субъективнаго отношенія каждаго профессора къ литературѣ его специальности; болѣе того, нерѣдки случаи, когда „рекомендація“ профессоромъ книгъ для пріобрѣтенія библиотекой объясняется, (какъ указываетъ Рубинскій и какъ широко подтверждаетъ практика университетскихъ библиотекъ) желаніемъ посмотрѣть ихъ при разработкѣ имъ, для себя лично,

какого-нибудь, зачастую, весьма частного вопроса. Развитие библиотeki идетъ, такимъ образомъ, случайно, безъ должной плановѣрности, безъ необходимой системы. Въ силу вышеприведенныхъ соображеній, представляется необходимымъ объединить пополненіе библиотeki въ рукахъ библиотечнаго персонала, какъ, постепенно, дѣлается это въ лучшихъ академическихъ библиотекахъ Запада, предоставивъ профессорскому персоналу только право контроля за выпиской книгъ, въ видѣ указаній на сдѣланныя упущенія, буде таковыя окажутся, и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, незачѣмъ указывать, что передача подобныхъ полномочій библиотекарямъ допустима только при основательной библиографической и обще-научной ихъ подготовкѣ.

Неразрѣшимъ удовлетворительно, безъ помощи библиографіи, и другой изъ важнѣйшихъ вопросовъ библиотечнаго дѣла — *каталогизація*. Не овладѣвъ книгой, не „опредѣливъ мѣста ея въ литературѣ предмета“, правильно каталогизировать нельзя. Я говорю, конечно, о каталогѣ систематическомъ и, тѣмъ паче, предметномъ, важность котораго, особенно для библиотекъ средняго и низшаго типа, растетъ пропорціонально росту современныхъ библиотекъ. Для каталога алфавитнаго, конечно, достаточно одной „техники“. Но, думается, алфавитный *печатный* каталогъ, какъ единственное руководство къ выбору книгъ, съ которыми приходится встрѣчаться во многихъ академическихъ библиотекахъ, есть, быть можетъ, и естественное, при данныхъ условіяхъ, т. е. „отказъ отъ библиографіи“, явленіе, но во всякомъ случаѣ—явленіе уродливое. Еще хуже, однако, систематическіе каталоги, составленные безъ достаточной библиографической обработки. Ибо такіе каталоги не только не помогаютъ, но, зачастую, вводятъ въ заблужденіе прибѣгающихъ къ нимъ. Никакіе суррогаты, въ видѣ библиографическихъ указателей или всякаго рода таблицъ, замѣнить библиографическаго *знанія* не могутъ. Классификація по заглавію, по внѣшнему виду, абсолютно недопустима—лучше не классифицировать вовсе.

Конечно, существуетъ взглядъ, весьма распространенный и поддерживаемый такими авторитетами, какъ Delisle или Schulze, что „каталогъ и библиографія — двѣ совершенно различныя вещи“; что запись каталога должна быть настолько подробна, чтобы можно было установить тождественность имѣющейся въ библиотекѣ книги съ книгой требуемой; что запись эта сводится къ простой регистраціи даннаго экземпляра, а не можетъ и не должна быть библиографическимъ описаніемъ данной книги; есть, наконецъ, сторонники *F. Madan* съ его четырьмя категоріями записей, отъ самой подробной — для рѣдкихъ и старопечатныхъ книгъ—до самой упрощенной (см. *Degressive Bibliography. Transactions of the Bibliographical Society.* 1908).

Все это направленіе, въ сущности, строится на весьма ходячемъ утвержденіи, формулированномъ Delisle и Picot въ предисловіи къ докладу о каталогѣ національной библиотeki: „Ученые должны знать“. Современный библиотекарь-техникъ говоритъ шире: „Читатель долженъ знать“, какую ему нужно книгу. Наше дѣло—отвѣтить ему каталогомъ, есть у насъ такая книга или нѣтъ. И только.

„Читатель долженъ знать“. Но, вѣдь, фактически онъ не знаетъ. Больше того, онъ часто и *не можетъ* знать. Если въ началѣ XVIII вѣка Marmontel вычислилъ, что, при затратѣ 14 часовъ въ день на чтеніе, потребовалось бы 800 лѣтъ, чтобы перечитать Историческій

Отдѣлъ Королевской бібліотеки, то что сказать о современности; и для настоящаго времени обрекать читателя на поиски подходящей ему по темѣ книги, безъ тщательно организованной помощи ему, — значитъ не только затормозить его работу; во многихъ случаяхъ это равносильно созданію ему невозможности работать.

Форма и подробность каталожной записи неважны: но необходимо, чтобы содержаніе данной книги полностью перелилось въ каталогъ, чтобы она была зафиксирована во всѣхъ охватываемыхъ ею рубрикахъ его. Но подобная каталогизация—есть работа бібліографическая, не имѣющая ничего общаго съ „машиннымъ производствомъ каталоговъ“, и, слѣдовательно, далеко выходящая за предѣлы узко-понимаемой „техники“.

Далѣе, въ практикѣ каждаго бібліотекаря ежедневно бываютъ—и далеко не единичные—случаи неполныхъ, неточныхъ, иногда даже невѣрныхъ требованій на книги. Относится къ такимъ требованіямъ формально, конечно, не слѣдуетъ, уже потому, что невѣрность этихъ требованій далеко не всегда на совѣсти спрашивающаго. Во многихъ научныхъ работахъ ссылки на источники далеки отъ бібліографической точности, зачастую и просто неправильны. Фактъ, къ сожалѣнію, настолько частый даже для методическихъ нѣмцевъ, что германскіе бібліотекаря были вынуждены официально обратить на это вниманіе ученыхъ круговъ, именно въ виду частыхъ невѣрныхъ требованій на книги—на основаніи „ссылокъ“ того или иного автора.

Помимо интересовъ читателей, лишеніе ихъ *дѣйствительной* бібліографической помощи отражается, косвенно, и на технической работѣ бібліотеки. Оно, несомнѣнно, увеличиваетъ абсолютно непроизводительный оборотъ книгъ. То, что могъ бы сказать „бібліографически“ составленный каталогъ, читателю приходится узнавать изъ самой книги. Этого „просмотръ“, значительно усиливающій выемку и укладку книгъ, тяжело ложится на бібліотечный персоналъ, особенно, при нашихъ, обычно, болѣе чѣмъ скромныхъ штатахъ; ложится обидно, потому что это—лишняя, непроизводительная работа.

Такимъ образомъ, современный систематическій каталогъ нуждается въ бібліографической обработкѣ. Думается, не будетъ ошибкой принять, что и на Западѣ въ этомъ вопросѣ замѣчается поворотъ бібліотечарской мысли—какъ разъ въ эту сторону. Какъ примѣръ, можно указать хотя бы фактъ измѣненія соответствующаго тезиса доклада Barth'a о сводномъ Швейцарскомъ каталогѣ—на 8-мъ Собраніи Союза Швейцарскихъ бібліотечарей, предлагавшаго сокращеніе заглавій. Голосованіе собранія отмѣтило „желательность стремиться, при передачѣ заглавій, къ возможной бібліографической точности“.

По силѣ вышесказаннаго, три основныхъ функціи бібліотекаря—пополненіе бібліотеки, каталогизация и помощь читателямъ—невозможны безъ бібліографической подготовкы. И самый успѣхъ выполненія культурной задачи бібліотеки представляется, такимъ образомъ, тѣсно связаннымъ именно съ бібліографической подготовкой бібліотечнаго состава.

Очевидно, однако, что полное осуществленіе бібліографическихъ требованій, предъявляемыхъ современностью бібліотечарю, возможно не при всякихъ условіяхъ. При условіяхъ нынѣшнихъ, для многихъ бібліотекъ эта задача представляется слишкомъ трудной, чтобы

стать общимъ правиломъ. Въ виду этого представляется желательнымъ только принципиальное признание нынѣшнимъ Свѣдомъ необходимости библиографіи, — какъ противовѣсъ „узко-техническому“ пониманію библиотечной профессіи — и указаніе, въ общихъ чертахъ, тѣхъ средствъ, которыми можно было бы облегчить осуществленіе указаннаго принципа.

Въ ряду ихъ, на мой личный взглядъ, главнѣйшими представляются слѣдующія два „средства“.

Первое изъ нихъ — *специализація библиотекъ*. Средство, подсказываемое, впрочемъ, самой жизнью. Въ университетахъ зачатки этой специализаціи можно видѣть въ такъ называемыхъ кабинетскихъ библиотекахъ — примѣненіе вѣрнаго принципа въ неудачной формѣ, справедливо вызывающей протесты библиотекарей обще-университетскихъ (фундаментальныхъ) библиотекъ. И въ этомъ пунктѣ надлежитъ вернуться къ доброму старому правилу, сформулированному въ § 2-мъ II раздѣла устава университетской библиотеки въ Боннѣ, отъ 25 августа 1819 года: „Дабы надежно обезпечить нужный порядокъ въ библиотекѣ, она должна быть подѣлена по различнымъ отраслямъ знанія между библиотечнымъ персоналомъ“. Раздѣленіе, по смыслу своему, совершенно противоположное современному — „техническому“, въ основу котораго ложится простой расчетъ числа переплетовъ и „требованій“ на библиотечарскую „душу“.

Напомнимъ, что Massé, въ докладѣ французской палатѣ по бюджету 1904 года, говорилъ: „Упорствовать въ желаніи сохранить библиотеки *общія*, поддерживать ихъ, расширять ихъ — значитъ не служить наукѣ, а отрицать ее, мѣшать ей, такъ какъ это значитъ затѣвать невыполнимое дѣло. Только специалисты, ведущіе спеціальныя библиотеки, слѣдующіе за библиографіей только нѣкоторыхъ наукъ, могутъ оказать дѣйствительную пользу“. Специализація, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится необходимой и по бюджетнымъ соображеніямъ. При быстромъ ростѣ современнаго издательства — возьмемъ хотя бы только періодическую литературу — пополненіе любой библиотеки безъ крупныхъ пробѣловъ немислимо. Единственный возможный логическій выходъ — размежеваться, по возможности специализировать библиотеки. Конечно, естественнымъ послѣдствіемъ такого размежеванія явится связь библиотекъ между собой — обмѣнъ книгами или общая кліентура, — вопросъ въ значительной части своей уже разрѣшенный практикой заграничныхъ академическихъ библиотекъ. Небезынтересно указать, что это новое направленіе — специализація и тѣсной совмѣстной работы библиотекъ — получило ясное выраженіе въ послѣдней официальной инструкціи итальянскимъ библиотекамъ.

Границы специализаціи должны, во всякомъ случаѣ, замыкаться однимъ цикломъ знаній. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, какъ въ университетскихъ библиотекахъ, это невозможно, во главѣ cadaго отдѣла долженъ стоять особый библиотекарь.

Вторымъ средствомъ представляется — *усиленіе средняго библиотечнаго персонала*, на который должна перейти вся главная тяжесть механической библиотечной работы. Требованіе, настойчиво выдвигаемое, за послѣднее время, германскими библиотекарями. Я не стоялъ бы, однако, на томъ рѣзкомъ отдѣленіи „механической работы“ отъ „научной“, которая введена въ австрійскую практику и на которой настаивали — на Свѣдѣ библиотекарей въ Галле-Schhorr von Carols-

feld и Gerhard. Среднему персоналу должны быть открыты пути къ библиографическимъ работамъ и библиографической практикѣ, которыя однѣ, по моему мнѣнію, могутъ открыть доступъ къ болѣе отвѣтственнымъ высшимъ должностямъ. Они могутъ быть привлечены къ „реферированію“, какъ практикуется это во многихъ нѣмецкихъ библіотекахъ (напр. Hofbibliothek въ Вѣнѣ, гдѣ имѣются 24 Referent-gruppen). Но допускать ихъ, какъ предлагаетъ Reinhold, къ участию въ выпискѣ книгъ, т. е. къ непосредственному „веденію“ библіотеки—я полагаю бы не цѣлесообразнымъ. Это, впрочемъ, частности, не могущая повліять на основное рѣшеніе вопроса: сосредоточить техническія работы въ рукахъ младшаго служебнаго персонала, и оставить „верхамъ“—научную, библиографическую, часть (пополненіе, каталогизація, пособіе занимающимся), при условіи, конечно, не только общаго наблюденія за технической частью, но и активнаго руководства ею. Такое распредѣленіе развяжетъ руки библіотекарямъ для болѣе плодотворнаго труда и обезпечитъ библіотекамъ правильное и широкое развитіе ихъ просвѣтительной работы, и дастъ библіотекамъ ту цѣлостность, которой въ нихъ въ настоящее время нѣтъ.

Мнѣ думается, именно теперь, намѣчая пути къ поднятію библіотечнаго дѣла—важно сразу поставить во всей широтѣ затронутый мною сегодня — коренной, по убѣжденію моему, вопросъ: Надо возсоздать то, что было въ свое время истиной, не требовавшей доказательствъ, возстановить *ученое* званіе библіотекаря. Ибо та формулировка, которую далъ въ докладѣ своемъ А. Р. Войничъ-Сяноженскій, требуетъ существенной поправки: библіотекари не только особая профессія, но профессія „ученая“. 200 лѣтъ тому назадъ писалъ Haffelin: „Отношеніе Академіи къ библіотекѣ таково же, какъ и отношеніе наукъ къ ихъ источникамъ. Ихъ связь—въ самой природѣ вещей“. Эта истина—для настоящаго времени не потускнѣла. И поднятіе ее опять, во всей силѣ—задача, если не сегодняшняго, то завтрашняго дня.

Контроль при выдачѣ книгъ и надъ сроками ихъ возврата. Мѣры взысканія.

Докладъ библіотекаря Императ. Военно-Медицинской Академіи А. Р. Войничъ - Сяноженцаго. (Прочитанъ на засѣданіи 5 іюня 1911 г.)

Едва-ли гдѣ-нибудь такъ много изъ году въ годъ зачитывается книгъ, какъ въ Россіи.

О своевременности возврата у насъ нечего и говорить. Пророчки — явленіе постоянное, задержки книгъ по мѣсяцамъ сверхъ срока и, даже, по годамъ—наблюдаются нерѣдко, а иногда бываетъ, что книги не возвращаются въ библіотеку по десяткамъ лѣтъ, совершенно присваиваются безцеремонными, если не сказать больше, людьми и притомъ, какъ-будто, на законномъ основаніи, подъ видомъ чтенія—безконечнаго чтенія. Причины этого печальнаго явленія настолько глубоки, настолько тѣсно связаны со всѣмъ укладомъ нашей жизни, съ нашей некультурностью, неспособностью цѣнить и